

Е. Л. Сараева

Размышления П. Я. Чаадаева о судьбе России

В статье анализируются идеи П. Я. Чаадаева о судьбе России. Определена проблематика мысли «басманного» философа. Выявлены его представления о цивилизационном развитии России, Запада и Востока и компонентах этого процесса, параметрах характеристики прошлого и настоящего русского народа, особенности чаадаевской парадигмы. Интерпретированы суждения П. Я. Чаадаева о влиянии религии на духовное развитие общества, сущности христианства, критериях прогресса, о факторах, обуславливающих предназначение народов, причинах отсутствия прогресса в прошлом страны, последствиях ее изоляции от Европы, обстоятельствах устойчивого эволюционного движения Запада, специфике геополитического положения России, об особенностях азиатской цивилизации, ее воздействии на жизнь человечества. Дан анализ идей П. Я. Чаадаева о «Царстве Божии на земле» и путях его создания. Раскрыты представления философа о роли мыслителей в осознании предназначения нации, восприятие им концепции европоцентризма, реконструирована его система ценностей, охарактеризовано его отношение к мифам о России и русском народе, осмыслены его суждения о национальной составляющей культуры общества, раскрыто его понимание патриотизма. Воспроизведены и интерпретированы идеи Чаадаева о взаимодействии народов и культур, петровской политике европеизации России, раскрыто содержание понятия «цивилизации» в текстах мыслителя.

Ключевые слова: история России, П. Я. Чаадаев, русская философия истории, христианский мир, русская мысль, западная цивилизация, геополитический фактор в истории, западники, славянофилы, европоцентризм, российская цивилизация, XIX в.

E. L. Saraeva

P. Ya. Chaadayev's Reflections about Destiny of Russia

In the article P. Ya. Chaadayev's ideas about destiny of Russia are analyzed. The perspective of the thought of the "basman" philosopher is defined. His ideas of civilization development of Russia, the West and the East and components of this process, parameters of the characteristic of the past and present Russian people, feature of Chaadayev's paradigm are revealed. P. Ya. Chaadayev's judgments about influence of religion on the spiritual development of the society, the essence of Christianity, criteria of progress, about the factors causing the mission of the people, the reasons of the progress lack in the past of the country, consequences of its isolation from Europe, circumstances of the steady evolutionary movement of the West, specificity of the geopolitical position of Russia, about features of the Asian civilization, its impact on mankind life are interpreted. The analysis of P. Ya. Chaadayev's ideas about "the God's kingdom on the earth" and ways of its creation is given. Ideas of the philosopher about the role of thinkers in understanding of the mission of the nation, his perception of the concept of Eurocentrism are revealed, his system of values is reconstructed, his relation to myths about Russia and the Russian people is characterized, his judgments about the national component of culture of society are comprehended, its understanding of patriotism is presented. Chaadayev's ideas about interaction of the people and cultures, Peter the Great's policy of europeanization of Russia are reproduced and interpreted, the essence of the notion "civilization" in thinkers' texts is opened.

Keywords: history of Russia, P. Ya. Chaadayev, Russian philosophy of history, Christian world, a Russian thought, western civilization, a geopolitical factor in history, Westerners, Slavophiles, Eurocentrism, Russian civilization, XIX century.

Идейное наследие Петра Яковлевича Чаадаева высоко оценивается историками, прежде всего, благодаря определению философом *проблематики осмысления судьбы отечества, сравнительного анализа цивилизационного развития России, Запада и Востока*. П. Я. Чаадаев впервые в истории русской мысли определил ряд основных компонентов цивилизационного движения общества. Концепция Чаадаева, будучи философско-религиозной, не стала идейной основой решения насущных социально-политических проблем России в середине XIX в. Ее влияние на русскую мысль обуславливалось акцентуацией духовного фактора жизни общества, широтой взгляда на исторический процесс, определением ценностных ориентиров развития человека и социума, выявлением гуманистических критериев анализа культуры индивида и национального сообщества, выделением параметров характеристики его прошлого и настоящего, осозна-

нием важных особенностей политических и культурных отношений в стране. Философско-религиозный модус анализа российского прошлого и настоящего обозначил новое проблемное поле русской мысли. Важная особенность чаадаевской парадигмы – религиозное наполнение всех ее составляющих, обеспечившее стройность и логическую завершенность мысли. Исходными ее составляющими были идеи о роли христианства в истории народов.

Обращение к текстам Чаадаева позволяет сделать вывод, что философ *видел в Боге творца всемирной идеи, определяющей цель развития человечества*. Будучи религиозным мыслителем, Чаадаев развивал идею духовного единения людей на основе христианства как одного из условий *создания Царства Божия на земле*. Божественная идея и сила христианства заключается в единстве: «Сущностью всякого раскола в христианском мире является нарушение того таинст-

венного *единства*, в котором заключается вся божественная идея и вся сила христианства» [7, с. 109]. Бог несет в себе любовь и единение. Христианство соединяет души. Люди должны стремиться к единению со Спасителем, так понимал Чаадаев цель духовного развития личности и суть создания Царства Божия на земле. Божественность религии, писал Чаадаев, доказывается ее постоянным действием «на ум человеческий» [7, с. 108]. Бог вложил свою идею в душу человека: «...идея, которая должна завоевать вселенную, никогда не замрет и не погибнет, если только не будет ей так определено свыше особою волею того, кто вложил ее в человеческую душу» [7, с. 107]. Христианство способствует «установлению совершенного строя на земле» [7, с. 44]. По мысли Чаадаева, универсальность христианской религии сказывается в том, что она «приникает в души всевозможными путями, овладевает умом без его ведома», определяет «роль каждой личности в общей работе и заставляет все содействовать единой цели». Он считал, что христианство – это осязаемая истина – пророчества Христа [7, с. 47].

По мысли Чаадаева, человеческое развитие, не озаренное христианством, приводит к застою, состоянию неподвижности [7, с. 105]. Созерцание человеком божественной воли очищает его душу, расширяет его мысль. Воля Бога ведет человечество к конечной цели: «...ничто не расширяет нашу мысль и не очищает нашу душу в большей степени, нежели это созерцание божественной воли, властвующей в веках и ведущей человеческий род к его конечной цели» [7, с. 92].

По Чаадаеву, *божественная сила действует на дух, душу и разум каждого человека*, но она влияет и на «*всеобщий разум*», это влияние совершается «в бесконечности» с целью создания Царства Божия на земле. Процесс познания Бога длительный. Его нельзя обозреть человеческим «ограниченным взглядом» [7, с. 44]. Совершенный строй на земле – царство истины и Бога – это сообщество людей, объединенных одной мыслью, одним чувством [7, с. 44]. Чаадаев верил, что Бог влияет на жизнь и сознание каждого человека: «...власть Христа непреложно осуществляется во всех сердцах, с сознанием или бессознательно, по доброй воле или непринужденно...» [7, с. 47]. Бог ведет «человека к его конечной цели, не посягая на его свободу, не умерщвляя ни одной из его природных способностей, а наоборот, удесятерая его силу...» [7, с. 48]. Чаадаев отмечал всеобъемлющее действие христианства на жизнь человека и общества: оно влияет на частную и общественную жизнь, науку и поэзию, разум и воображение, воспоминания и надежды, чувства, на жизнь семьи и родины [7, с. 48].

Проблема предназначения народа – одна из основных в религиозно-философской концепции Чаадаева, решение ее влияло на понимание мыслителем процесса развития народов, его отношение к популярным в то время идеям европоцентризма. Чаадаев полагал, что *судьбу народа определяет Провидение*. Одну из

причин мрачной действительности в России Чаадаев видел в забвении провидением России: «Но не такова роль, отведенная нам провидением. Больше того: оно как бы совсем не было озабочено нашей судьбой. Исключив нас из благодетельного действия на человеческий разум, оно всецело предоставило нас самим себе, отказалось как бы то ни было вмешиваться в наши дела, не пожелало ничему нас научить» [7, с. 41]. Русский народ не был ведом Провидением, поэтому он не постигнул божественные идеи и его жизнь не была ориентирована на высокие религиозные идеалы; он не знает истинных ценностей и целей бытия.

С целью познания истины, осмысления задач, стоящих перед русским народом, П. Я. Чаадаев предлагал современникам освободиться от ложных представлений о России: «Мы и без того обижены судьбою, – не станем же прибавлять к прочим нашим бедам ложного представления о самих себе, не будем претендовать на чисто духовную жизнь; научимся жить разумно в эмпирической действительности» [7, с. 36]. Для Чаадаева была неприемлема национальная кичливость, предрассудки, превознесение всего национального только потому, что оно самобытное. Мифы о вымышленных достоинствах народа мыслитель назвал «слепотой». С его точки зрения, познание истины важнее некоторых ложных патриотических лозунгов, далеких от истины: «...христианское сознание не терпит никакой слепоты, а национальный предрассудок является худшим видом ее, так как он всего более разъединяет людей» [7, с. 49]. Когда Чаадаева обвинили в нелюбви к родине, он вынужден был в «Апологии сумасшедшего» ответить, что любовь к истине заставила его писать искренне о своем отечестве, чтобы помочь обществу осознать путь к Царству Божию на земле: «Прекрасная вещь – любовь к отечеству, но есть еще нечто более прекрасное – это любовь к истине. Любовь к отечеству рождает героев, любовь к истине создает мудрецов, благодетелей человечества. Любовь к родине разделяет народы, питает национальную ненависть и подчас одевает землю в траур; любовь к истине распространяет свет знания, создает духовные наслаждения, приближает людей к божеству. Не через родину, а через истину ведет путь на небо» [7, с. 134]. Чаадаевский взгляд на историю отечества не соответствовал официальным утверждениям о превосходстве России над Западом, поэтому он и был объявлен сумасшедшим в 1836 г.

Развитие идейной жизни в 30–40-е гг. XIX в. мотивировалось *любовью к отечеству*. Идейным поиском русских интеллектуалов руководило не честолюбие, а сознание неотложной необходимости понять все последствия развития страны под влиянием чужой цивилизации. Любовь к России, по искреннему заверению Чаадаева, помогает представителям разных идейных школ «работать единомышленно и добросовестно в поисках» пути России, «каждый по своему разумению. Для этого никому из нас нет необходимости отречься от своих убеждений» [6, с. 196–197]. Та-

ким образом, по Чаадаеву, осмысление развития России в период ее европеизации должно содействовать пониманию дальнейшего направления движения страны. Чаадаев не был сторонником унификации русской мысли, признавая право на самостоятельность суждений.

Предназначением христианского мира Чаадаев считал «установление совершенного строя на земле», «Царства Божия», под которым он понимал духовное единение высоконравственных людей, понимающих истину христианства, живущих по заветам Бога, стремящихся к единению с ним. С точки зрения Чаадаева, *каждому народу отведено свое место в общем призвании христиан*. Значение народа в системе цивилизаций определяется его духовной мощью и нравственным влиянием на другие народы. После принятия христианства европейские народы на протяжении столетий развивали нравственные идеи. По основным критериям идейно-нравственного развития Запад опережает другие цивилизации и оказывает духовное влияние на другие народы. На Западе духовные интересы преобладают над материальными, утверждал Чаадаев. Способность западных народов к совершенствованию обусловлена нравственной силой христианства.

П. Я. Чаадаев – первый русский мыслитель, давший сравнительную характеристику западной, российской и восточной цивилизаций. Он стремился понять **место России в мировой истории**. Насколько самостоятелен был Чаадаев в оценке цивилизаций? Современные исследователи *Е. Б. Рашковский* и *В. Г. Хорос* утверждают, что трактовка Чаадаевым азиатской цивилизации воспроизводила представления о Востоке, бытовавшие в европейской мысли XVIII – начала XIX в., но «басманный» философ был вполне самостоятелен в создании трехзвенной концепции [1, с. 114].

П. Я. Чаадаев дал оценку *геополитического положения России и его влияния на судьбу страны*. По мнению Чаадаева, разные условия привели к формированию двух великих цивилизаций – западной и восточной. Восточная цивилизация более древняя. Она оказала определенное воздействие на развитие человечества. «Первым выступил Восток и излил на Землю потоки света из глубины своего уединенного созерцания» [7, с. 139]. В свое время на Востоке шло «громдное развитие разума», была разработана система нравственных норм, сформировались традиции, образ жизни, не изменяемый веками. Но Восток превратился в замкнутую, неподвижную цивилизацию, изоляция обрекла ее на застой. Для азиатского мира характерно уединенное созерцание, сосредоточенность, замкнутость на самом себе, почитание авторитетов, покорность масс, безропотное служение священным принципам. Азиатские страны в определенный период своей истории «впали в косность», на известной ступени они остановились. Объясняя причины этого состояния народов Востока, Чаадаев пи-

сал, что «прогресс человеческой природы вовсе не безграничен, ... для него существует предел, за который он никогда не переходит» [7, с. 105]. В истории человечества существуют задержки, отступления, длительные периоды зстоя. Подобный период переживает сейчас Восток, утверждал «басманный» философ.

П. Я. Чаадаев дал свою *характеристику западной цивилизации*. С его точки зрения, Запад смог заимствовать лучшее, созданное Востоком. Запад «овладел его трудами, кончил начатое Востоком и, наконец, поглотил его в своем широком охвате» [7, с. 139]. Запад явился преемником духовной работы всех народов всех истекших времен. Эту мысль развивали все современные Чаадаеву европейские мыслители. К западной цивилизации, по мнению Чаадаева, принадлежат все европейские страны, кроме России. Он выделил следующие черты Запада: постоянное, динамичное развитие; взаимодействие народов; непрерывное, преемственное движение идей; облагораживающее влияние христианства на духовную и социальную жизнь общества; формирование гуманистических духовных ценностей; создание системы образования, расцвет науки и искусства; свобода и благоустроенная жизнь народов («люди искали истину и попутно нашли свободу и благосостояние» [7, с. 45].

В Европе, по мнению Чаадаева, свобода и благосостояние, гуманное воспитание, усвоение европейцами ценности истины, правопорядка и справедливости определяли особенности «характера современного общества и его цивилизации». Духовный прогресс Запада обеспечивали христианская религия и человеческий разум. Разум развивает идеи, которые Бог вложил в души и ум людей. Ум человеческий стремится к познанию божественной истины. «...Весь распорядок духовного мира есть следствие удивительного сочетания первоначальных понятий, брошенных самим Богом в нашу душу, с воздействием нашего разума на эти идеи...» [7, с. 60].

Идеализируя Запад, Чаадаев полагал, что европейские народы, пройдя разные периоды своей истории, находятся на той стадии духовного развития, когда идейные, а не материальные и личные интересы определяют жизнь человека и общества в целом: «...новый религиозный поворот, новый размах, сообщенный религией человеческому духу, определил и теперешний уклад общества. Таким образом, главный и, можно сказать, единственный интерес новых народов всегда заключался в идее. Все положительные, материальные, личные интересы поглощались ею» [7, с. 46]. Философ оговаривал, что не считает, что в европейских странах все проникнуто разумом, добродетелью и религией, но образ жизни и мировоззрение людей в этом мире таинственно повинуются много веков христианству [7, с. 46]. Даже политические движения в Англии XVII в., по мнению Чаадаева, имели религиозный интерес и были фазисом христианского развития. Политические идеи были лишь «второстепенным

двигателем». Он утверждал, что религиозная мысль содействовала формированию национального сознания, достижению свободы и благосостояния, решению социальных проблем [7, с. 46–47]. Признавая, что европейская цивилизация несовершенна, ей присущи пороки, Чаадаев полагал, что она «до известной степени» осуществила Царства Божия, поскольку она имеет «начала бесконечного развития и обладает в зародышах и элементах всем, что необходимо для его окончательного водворения на земле» [7, с. 47]. «Зародышами» и «элементами» Царства Божия на Западе Чаадаев считал, прежде всего, интерес европейцев к религии, преемственное, непрерывное развитие мысли, свободу и благосостояние, нравственные основы жизни людей. На Западе, делал вывод философ, роль религии в истории общества была несопоставимо выше, чем в России.

С точки зрения Чаадаева, одни народы прошли длительный путь нравственного совершенствования, идейного развития и стали высококультурными. Другие не знали внутреннего развития, поэтому остаются малоразвитыми народами. Чаадаев полагал, что русский народ не обладает ни одним из достоинств, отличающих зрелые народы, ему «присущи кое-какие добродетели молодых и малоразвитых народов» [7, с. 41]. Русские являются юным народом. Они только стремятся понять идею, развить которую ему предназначило Провидение. Они «еще только отыскивают роль, которую они призваны исполнить на мировой сцене» [7, с. 146]. Русская нация не может считаться высокоразвитой, поскольку «до сего дня у нас почти не существовало умственной работы» [7, с. 146].

До Чаадаева историю России характеризовали в сравнении с Европой. Чаадаев сформулировал проблему роли России в процессе взаимодействия Запада и Востока, усвоения нашим обществом или, наоборот, его невосприимчивости к культуре других народов. *Геополитическое положение России, в представлении Чаадаева*, имело свои преимущества и недостатки. Россия находилась между двумя великими цивилизациями – Востоком и Западом. Она могла соединить в себе их лучшие начала: «...раскинувшись между двух великих делений мира, между Востоком и Западом, ... мы должны бы были сочетать в себе два великих начала духовной природы – воображение и разум, и объединить в нашей цивилизации историю всего земного шара» [3, с. 329]. Однако Россия не вошла ни в одну из этих цивилизаций, длительное время существуя замкнуто. Приняв православие, она оказалась в изоляции от католического Запада. «До нас же, замкнувшись в нашем расколе, ничего из происходившего в Европе не доходило. Нам не было никакого дела до великой всемирной работы» [3, с. 331]. Замкнутый характер российской цивилизации обрек ее, по выражению Чаадаева, на «мертвый застой».

Недостатком геополитического положения России Чаадаев считал ее расположение на севере материка. Русские – северный народ. В России жестокий

климат, не позволивший русскому народу создать благоустроенный быт. Материальная неустроенность препятствовала идейной жизни в России, поскольку люди должны были думать о хлебе насущном, а не о смысле жизни и судьбе страны. Чаадаев утверждал, что Россия не принадлежала ни к Западу, ни к Востоку: «У Востока – своя история, не имеющая ничего общего с нашей» [4, с. 531].

Уже в первом своем труде, «Философических письмах», Чаадаев характеризовал Россию как *самостоятельную цивилизацию*, находящуюся на востоке Европы, которая лишь с эпохи Петра Великого стала воспринимать достижения Запада. Таким образом, по мнению Чаадаева, геополитическое положение России должно было помочь русскому народу понять свою миссию в мировой истории. Россия имела возможность соединить в своей культуре лучшие начала Запада и Востока, воспринять опыт других цивилизаций, но эта задача не была ею решена.

В европейской и русской мысли конца XVIII–XIX в. сформировалась традиция сравнительного анализа историко-культурных сообществ. Однако осознание национальной жизни исключительно в контексте мировой истории русские мыслители считали неверным, поскольку необходимо объяснение внутренней обусловленности развития России. Официальная идеология отождествляла Россию с самодержавием, подменяя интересы общественного развития интересами монархии. Даже в «Наказе» Екатерины II, имевшем просветительскую риторику, поданным объяснялось, что отечество представляет государь, а Россия имеет свою специфику политического и социального развития.

Насажение петровским государством западных образцов жизни общества направило осмысление интеллектуалами его движения в рамки бинарной оппозиции «свое – чужое», что вело к противопоставлению Европы и России. Среди различных оценок развития России в 30–40 гг. XIX в. выделялся взгляд П. Я. Чаадаева на возможное сочетание национальных и заимствованных элементов культуры в российской цивилизации в будущем.

Анализ текстов Чаадаева приводит к выводу, что он разделял не все идеи европоцентризма, у него была своя версия направления развития России. Чаадаев делил все народы на европейские и неевропейские, что соответствовало концепции европоцентризма. Последние, по его мнению, могли решать только задачу удовлетворения материальных потребностей человека, серьезно отстав в своем развитии от Запада, который уже преодолел период примата материальных потребностей над духовными. Народы, не входившие в европейскую семью народов, создали своеобразные цивилизации, представлявшие собой отклонения от истинного пути. «И можно быть, конечно, цивилизованным иначе, чем в Европе, разве не цивилизована Япония...» [3, с. 333]. Чаадаев считал, что незападные народы до сих пор не открыли пути к Царству Божию

на земле: «Неужели вы думаете, что небо сведут на землю эти нелепые уклонения от божеских и человеческих истин» [7, с. 44]? Россию он не считал европейской страной. Он писал в первом философическом письме: «...круг идей, эта нравственная сфера ... обусловливают определенный строй жизни и определенное мировоззрение, которые, не будучи тождественными для всех, тем не менее создают у нас, как и у всех неевропейских народов, одинаковый бытовой уклад...» [7, с. 44–45].

В контексте своих религиозных идей Чаадаев уже в первом философическом письме развивал мысль об особой роли каждого христианского народа в создании Царства Божия. В современном мире, далеком от реализации всемирной идеи единства, каждому народу «важно знать, какое место отведено ему в общем призвании христиан». Путь народа к Царству Божию имеет и общие для всех христиан начала, и специфические: народу надо «найти в себе самом и вокруг себя ... средства», способствующие движению к общей цели [7, с. 44]. Эти идеи философа позволяют утверждать: мыслитель отнюдь не считал, что России уготована участь воспроизводить лишь европейский вариант развития.

Но философ не видел иной возможности для России войти в круг цивилизованных народов, кроме приобщения к культуре европейцев и заимствования их духовного опыта. «Но разве мы не христиане, скажете вы, и разве нельзя быть цивилизованным не по европейскому образцу?» [3, с. 333]. Только европейская христианская цивилизация, полагал Чаадаев, открывает людям цель их существования. Современные ученые признают значимость цивилизационных и культурных оснований европейского мира, возглавляющего интеллектуальное и техническое движение человечества [2, с. 13]. Но, согласно концепции Чаадаева, усвоение лучшего опыта Европы еще не означает, что Россия должна идти исключительно по пути, проложенному Западом, и воспроизводить его модели жизни.

По мысли Чаадаева, Россия никогда не будет Европой, потому что у нее свое предназначение в истории, определяемое Провидением. Каждый народ должен понять, «какое место отведено ему в общем призвании христиан», и он должен найти «в самом себе и вокруг себя» средства достижения общей цели, «поставленной всему человечеству». Как видно, Чаадаев был убежден, что русскому народу надо иметь свой духовный потенциал, выработать свой круг идей, «определенное мировоззрение» [7, с. 44–45]. Россия, будучи христианской страной, должна включиться в общую для всех христиан работу по достижению полноты духовной жизни и созданию Царства божия на земле. Воспринимая лучший опыт Европы, Россия стоит перед необходимостью развить свою идейную жизнь, чтобы внести в мировое наследие свои оригинальные идеи.

П. Я. Чаадаев дал свою интерпретацию петровской политики европеизации России. По мнению философа, обращение России к опыту Западной Европы произошло в XVI в. Изначально процесс европеизации носил заимствованный характер. Но с XVIII в. Россия не просто усваивала новое, но и отрицала старое по воле Петра I, «величайшего из наших царей». Чаадаев позитивно оценивал петровскую политику разрыва с прошлым страны, поскольку оно было, по его оценке, варварским, а общество невежественным. Обращаясь к своим современникам, философ предлагал ревниво не охранять «варварского прошлого» и не кичиться «невежеством», а направить свои усилия на усвоение трудов всех народов [7, с. 136]. Эволюцию общества в направлении развития науки, искусства, расширения свободы и подъема благосостояния Чаадаев трактовал как его «цивилизацию». В понятие «цивилизации» он включал достижения общества на пути материального и культурного развития. Говоря о Западе, он писал, вложив эти слова в уста Петра I: «Видите ли там эту цивилизацию, плод стольких трудов, – эти науки и искусства, стоившие таких усилий стольким поколениям» [7, с. 136]. В понимании философа, цивилизация – плод труда поколений в различных сферах жизни. Европейские народы он называл «цивилизрованными» [7, с. 136].

Значимыми преобразованиями Петра I Чаадаев считал слом старой структуры государственного управления, создание более сильной системы власти, отречение от преданий, использование опыта Запада. Усвоение Петром наследия Европы Чаадаев оценил как преклонение перед Западом («...он преклонился пред Западом») [7, с. 135]. По мнению философа, Петр заставил русское общество воспринимать западную культуру: нравы, языки, одежду, литературу. «С этого времени мы только и делали, что, не сводя глаз с Запада, так сказать, вбирали в себя веяния, приходившие к нам оттуда, и питались ими. (...) Из западных книг мы научились произносить по складам имена вещей. Нашей собственной истории научила нас одна из западных стран; мы целиком перевели западную литературу, выучили ее наизусть, нарядились в ее лоскутья и наконец стали счастливы, что походим на Запад, и гордились, когда он снисходительно соглашался причислять к своим» [7, с. 136]. Это движение Чаадаев называл «цивилизацией» русского общества. Она шла под влиянием «старой европейской цивилизации» [7, с. 136–137]. По Чаадаеву, результатом восприятия западного наследия стала новая культура личности, определяемая философом как «цивилизация». Осуществляемая сначала насильственными методами и имевшая подражательный характер, европеизация – обращение к западным образцам культуры – затем стала потребностью образованного общества, полагал Чаадаев. Политика европеизации вывела Россию «из тесной ограды родной страны» на широкую арену человечества, где ей предстояло занять свое место. Как видно, и в философиче-

ских письмах, и в «Апологии сумасшедшего» Чаадаев писал об особом месте России в мировой цивилизации, мыслимом им как усвоение сначала русскими людьми значимых идей других христианских народов, а затем самостоятельное понимание своей дороги к храму.

По мысли Чаадаева, важнейшим последствием реформ Петра стала возможность развития национального сознания с целью постичь истины, «овладеть предназначенной нам судьбой» [7, с. 137]. Реформы Петра стали попыткой ввести Россию в христианский мир.

П. Я. Чаадаев отметил важную тенденцию социально-политического развития России, признаваемую позднее многими русскими мыслителями, – *ведущую роль государства в истории общества*: «Должно сказать, что наши государи, которые почти всегда вели нас за руку, которые почти всегда тащили страну на буксире без всякого участия самой страны, сами заставили нас принять нравы, язык и одежду Запада» [7, с. 136]. Философ позитивно оценивал инициативную роль государства в политике преобразования страны, поскольку она вела к цивилизации общества: «Некогда великий человек захотел просветить нас, и для того, чтобы приохотить нас к образованию, он кинул нам плащ цивилизации; мы подняли плащ, но не дотронулись до просвещения» [7, с. 42].

По мнению философа, заграничный поход русской армии в 1813–1814 гг. изменил отношение к подражательной европеизации. Чаадаеву представлялось, что с этого времени Россия заявила о своей самостоятельности. «...Роковая страница нашей истории, написанная рукой Петра Великого, разорвана; мы, слава Богу, больше не принадлежим к Европе: итак, с этого дня наша вселенская миссия началась» [6, с. 99]. Как видно, Чаадаев не считал, что Россия должна в будущем стать частью Европы, более того, он утверждал, что с середины 10-х гг. девятнадцатого столетия русское общество решало задачу осмысления своего предназначения в мире.

Разнообразие национальных культур, мировосприятия, образов жизни народов – естественное явление, утверждал Чаадаев. Он признавал ценность каждого социокультурного сообщества. Мысль о необходимости научиться ценить культуру всех народов придала его воззрению гуманный характер и объясняет выживаемость в огромном идейном потоке его мыслей об универсальном и национальном. Учение Чаадаева содержало начала различного решения проблемы развития цивилизаций. Философ считал вероятной и желательной ориентацию народов на европейский путь развития, но в то же время признавал, что оригинальные черты культур являются гарантом сохранения национальных форм жизни, он не призывал русских уподобиться европейцам.

П. Я. Чаадаев, хотя и писал, что судьба России зависит от европейского общества (ФП 7) [3, с. 433], тем не менее, выражал сомнение в том, что Россия займет

прочное место в семье европейских народов. *Европеизация России желательна*, чтобы *русские стали просвещенным народом*, содержание этого процесса он мыслил как творческое восприятие и осмысление идей западных мыслителей, нравственных ценностей, лучших форм жизни. Но развитие нашего отечества отличается от движения других сообществ. Одна из причин несовпадения путей России и Европы, по мнению Чаадаев, – их зависимость от истоков. «Исходные точки у западного мира и у нас были слишком различны, чтобы мы когда-либо могли прийти к одинаковым результатам» [5, с. 494].

«Басманный» философ не разделял представлений о России как уже европеизированной стране. Наоборот, он подчеркивал, что наша страна связана с Европой еще очень слабо, она смогла заимствовать только внешнюю сторону социального быта западного мира. «Эта связь, очень слабая в действительности, не скрепляет нас с Европой так тесно, как это воображают, ... но она, тем не менее, ставит всю нашу будущую судьбу в зависимость от судеб европейского общества. Поэтому, чем больше мы будем стараться слиться с последним, тем лучше это будет для нас» [3, с. 433]. До сих пор заимствованные внешние формы жизни служили лишь простым украшением существования, они не затрагивали душу русского человека. Как видим, в *философических письмах* Чаадаева (в конце двадцатых – начале 30-х гг.) развивалась мысль о возможном слиянии России с Европой в будущем. Но, как он мыслил это слияние, остается неясным.

В *середине 30-х гг.* «басманный» философ видел существенные различия между Европой и Россией. Он не находил общих моментов в их духовной жизни. «Странная у нас страсть приравнивать себя к остальному свету. Что у нас общего с Европой? Паровая машина и только», – писал Чаадаев А. И. Тургеневу в 1836 г. [6, с. 108]. В этом письме Чаадаев кратко выразил свою мысль о невозможности в будущем слияния путей развития России и Европы, так как их история имела разные начала. «У Токвиля есть глубокая мысль, которую он украл у меня, а именно, что *точка отправления народов определяет их судьбы*. У нас этого не хотят понять: а между тем в этом вся наша история» [6, с. 108].

В «Апологии сумасшедшего» Чаадаев более острожно говорит о принадлежности России к Европе: «...мы думали, что идем вместе с ними» [4, с. 530]. В учении Чаадаева, как уже отмечалось, значение открытия России Западом определялось как условие цивилизации отечества. Философ не говорил о желательности слияния страны с Европой. Он даже не употреблял термина европеизм, которым представители западнического круга обозначали процесс взаимодействия Европы и России. Размышляя о прошлом формирования европейской и русской цивилизации. Думая о будущем своего отечества, философ утверждал, что Россия – не Запад, у нее свое призвание в

истории человечества (1835) [6, с. 96]. В 1846 г. Чаадаев выразил надежду, что в будущем Россия сможет освободиться от влияния Запада, будет иметь свои истоки идейного развития [6, с. 191]. Время оригинального развития мысли, независимой от западной науки, наступит, когда интеллектуалы поймут содержание прошлого страны, определяют предназначение народа. «Тогда мы естественно займем свое место среди народов, которым предназначено действовать в человечестве не только в качестве таранов или дубин, но и в качестве идей» [6, с. 192]. Таким образом, Чаадаев мыслил будущее России как самостоятельное развитие российской цивилизации, занимающей достойное положение среди других историко-культурных миров, он считал необходимым самостоятельное развитие русской мысли, развивающейся не в отрыве от западной, а во взаимодействии с ней.

Годы размышлений укрепляли Чаадаева в мысли о значительном расхождении путей России и Европы. Чтобы подчеркнуть различия в цивилизационном развитии этих ареалов, он сравнивал их с планетами. «Мы – обитатели другой, новой планеты...» (1848) [6, с. 210]. Россия должна иметь свои основы цивилизационного развития: благоустроенный быт, богатую духовную жизнь, христианские нравственные ценности, свою идейную жизнь. Чаадаевская идея о том, что судьба страны определяется Провидением и культурной элите необходимо ее осознать, вела к отрицанию им мысли о принадлежности России к европейской цивилизации. Религиозная концепция Чаадаева обуславливала и идею взаимодействия России с Западом, и идею самостоятельного решения русским обществом задач, встающих перед страной.

Реконструкция представлений Чаадаева о **факторах развития** человека в обществе важна для осознания его мысли о прошлом, настоящем и будущем России. Он выделял следующие факторы социального и духовного прогресса: *воздействие Бога и христианства на душу и сознание людей; интеллектуальная деятельность мыслителей; преемственное развитие идейной жизни («общество шло вперед лишь силою мысли» [7, с. 45]); взаимодействие народов и культур; духовный опыт народа, его самосознание; национальный характер; геополитическое положение страны; условия жизни человека; исторические обстоятельства; политическая власть; установление в обществе гуманных социальных и нравственных норм, ценностей, правил поведения; влияние личности на исторический процесс.*

Значимость *идейной жизни*, по Чаадаеву, заключалась в определении ею нравственности народа, в постижении его предназначения, направления и цели деятельности.

Одним из факторов прогресса в истории, считал Чаадаев, является *создание благоприятных условий жизни человека*, поскольку, лишь имея возможность жить достойно, человек может думать о душе. Он писал об этом: «Истинное развитие человека в обществе

еще не началось для народа, если жизнь его не сделалась более благоустроенной, более легкой и приятной, чем в неустойчивых условиях первобытной эпохи» [7, с. 37].

Оценка прошлого России, несомненно, – одна из составляющих чаадаевской концепции судьбы России. Вслед за философами немецкой школы, Чаадаев, решая проблему «судьбы русского народа», выделял три временных пространства – прошлое, настоящее и будущее, развивая мысль о значимости наследования культуры предшествующих исторических эпох.

Отказ «басманного» философа видеть прогресс в прошлом России объяснялся его убеждением, что цивилизационное движение обеспечивается непрерывным идейным развитием, а такового не было в ее истории. Более того, «юность» народа – это первые века его существования, не насыщенные бурными событиями, не обеспечившие выработки представлений о значимости социума, его исключительности, особенностях характера, сфере и задачах деятельности, то есть они не способствовали формированию его ментальности.

Самосознание народа, формируемое в период ранней юности, по мысли Чаадаева, является «необходимой основой всякого общества»; в исторической памяти людей должны жить представления о героической борьбе за свои права, «грациозные образы», учения и предания, аккумулирующие духовный опыт нации. «Страсти народные», «воспоминания» важны для формирования национальной идентичности (в современной терминологии), воспитания любви к своей родине, привязанности к праху [7, с. 36–37]. По мнению Чаадаева, русская история не способствовала развитию национального самосознания, что затруднило осмысление призвания народа, развитие идейной жизни. «Этого периода бурной деятельности, кипучей игры духовных сил народных, у нас не было совсем» [7, с. 37]. По мнению Чаадаева, «тупая неподвижность» народа в прошлом (его неучастие в бурной политической и общественной жизни) – одна из причин отсутствия идейного развития, своего интеллектуального наследия: «Годы ранней юности, проведенные нами в тупой неподвижности, не оставили никакого следа в нашей душе, и у нас нет ничего индивидуального, на что могла бы опереться наша мысль...» [7, с. 37].

П. Я. Чаадаев дал сжатую емкую *характеристику русской истории*, выделив лишь наиболее значимые, с его точки зрения, процессы и влияния: «Сначала – дикое варварство, потом грубое невежество, затем свирепое и унижительное чужеземное владычество, дух которого позднее унаследовала наша национальная власть, – такова печальная история нашей юности. (...) Эпоха нашей социальной жизни, соответствующая этому возрасту, была заполнена тусклым и мрачным существованием, лишенным силы и энергии, которое ничто не оживляло, кроме злодеяний, ничто не смягчало, кроме рабства» [7, с. 37]. Проследивая

общность черт правления в Орде и Московском государстве, «басманный» философ тем самым позволил экстраполировать характеристику восточного деспотизма на национальную власть и назвать ее «свирепым и унижительным» «владычеством». Политику московских князей и царей он определил как «злодеяния» по отношению к народу, поскольку ее основным последствием было установление «рабства» крестьян, так он характеризовал крепостное право в России. Таким образом, для Чаадаева системообразующими явлениями (в современной терминологии) в истории страны были деспотическая власть и рабство народа, исключавшие прогресс в политической и социальной жизни.

Проблема *роли мыслителей* в жизни народа – один из компонентов учения Чаадаева о постижении индивидом, народом, человечеством божественных идей.

Причины отставания России, по мнению Чаадаева: *заимствование христианства из Византии; церковное обособление страны от европейских народов; Бог не был озабочен судьбой русского народа; изоляция страны от Европы; отсутствие в стране идейной жизни и мыслителей; чужеземное владычество и установление рабства; русское общество не воспользовалось преимуществами своего геополитического положения и не смогло усвоить лучший опыт Запада и Востока; Россия не участвовала в интеллектуальной жизни Запада; поверхностное заимствование отдельных идей; подражательный характер знакомства и усвоения европейской культуры; не решена задача создания благоприятных, достойных условий для физической и нравственной жизни; у нации нет своих мыслителей, сообщающих импульс народу; не было преемственности в передаче опыта.*

П. Я. Чаадаев писал о *причинах отсутствия прогресса в русской истории*:

– Провидение «совсем не было озабочено нашей судьбой. Исключив нас из своего благотворного действия на человеческий разум, оно всецело предоставило нас самим себе, отказалось как бы то ни было вмешиваться в наши дела, не пожелало ничему нас научить» [7, с. 41].

– «Повинуясь нашей злой судьбе, мы обратились к жалкой, глубоко презираемой этими народами Византии за тем нравственным уставом, который должен был лечь в основу нашего воспитания» [7, с. 42], «Мы же замкнулись в нашем религиозном обособлении, и ничего из происходившего в Европе не достигало нас» [7, с. 43]; «...мы хотя и носили имя христиан, не двигались с места» [7, с. 43].

– «...Слабость нашей веры и несовершенство наших догматов до сих пор держали нас в стороне от этого дивного движения, где развилась и формулировалась социальная идея христианства...» [7, с. 45].

– «Стоя как бы вне времени, мы не были затронуты всемирным воспитанием человеческого рода» [7, с. 35–36].

– «...Мы никогда не шли об руку с прочими народами», «наша оторванность от общей семьи мешала нам воспользоваться идеями, возникшими за это время у наших западных братьев» [7, с. 35, 43].

– Развитие идей и человеческого духа «не оказывало на нас никакого влияния» [7, с. 36].

– В России нет условий для «здорового нравственного существования» и «здоровой физической жизни» – нет «благоустроенной жизни» и навыков сознания, сообщающих правильность душевной жизни человека [7, с. 36].

– Русское общество жило «без наследства, без связи с людьми, жившими на земле раньше нас, мы не храним в наших сердцах ничего из тех уроков, которые предшествовали нашему собственному существованию» [7, с. 38].

– Культура общества основана на «заимствовании и подражании» [7, с. 38]; «каждая новая идея бесследно вытесняет старые, а является к нам бог весть откуда» [7, с. 38]; нас «не приучили мыслить самостоятельно», «все, что нам досталось от этого прогресса, мы исказили» [7, с. 38, 41].

– «...Где наши мудрецы, наши мыслители? Кто когда-либо мыслил за нас, кто теперь за нас мыслит», «ни одна полезная мысль не родилась на бесплодной почве нашей родины; ни одна великая истина не вышла из нашей среды»; «даже в мире науки, обнимающем все, наша история ни к чему не примыкает, ничего не уясняет, ничего не доказывает» [7, с. 41, 42]?

– В характере русского народа, выработанном веками, нет «могущественнейших стимулов» к преобразованиям: русские люди, отважные и бесшабашные, в то же время равнодушны к истине, добру и злу [7, с. 40].

– «Исторический опыт для нас не существует; поколения и века протекли без пользы для нас» [7, с. 41].

– Россия сделалась «жертвою завоевания», на длительное время было установлено «чужеземное иго», «свирепое и унижительное чужеземное владычество» [7, с. 42–43, 37].

– Имея в виду крепостное право, Чаадаев писал: «...мы подпали еще более жестокому рабству. Освященному притом фактом нашего освобождения» [7, с. 43].

Идейная жизнь в России, считал Чаадаев, начавшаяся с Петровской эпохи, не вела к развитию оригинальной мысли, так как не обеспечивала последовательной преемственности и прочности в усвоении идей Европы: «Лучшие идеи, за отсутствием связи или последовательности, замирают в нашем мозгу и превращаются в бесплодные призраки» [7, с. 40, 46].

П. Я. Чаадаев одним из первых русских мыслителей в опубликованном письме дал *критическую оценку российской действительности*. Он назвал ее «горькой», «пошлой», «жалкой» [7, с. 35, 48]. Он писал о настоящем России: «...мы еще только открываем истины, давно уже ставшие избитыми в других местах...» [7, с. 35]. «Мы живем одним настоящим в

самых тесных его пределах, без прошедшего и будущего, среди мертвого застоя» [7, с. 37]. В прошлом России не было идейной жизни, оно не обеспечило благоприятных комфортных условий, поэтому и «настоящее» России столь же мрачное, как и раньше, считал Чаадаев. Он обращал внимание на пустоту социальной жизни. В сознании русских людей не укоренены базовые нравственные и социальные принципы – долга, справедливости, права, порядка. Мысль Чаадаева о России была горестной [7, с. 49]. Но философ считал необходимым сказать правду о духовной и социальной жизни российского общества: «...я высказал одну только правду, и даже не всю» [7, с. 49]. Критическое отношение к российской действительности он объяснял отсутствием «обширных духовных сокровищ», опыта, традиций интеллектуальной жизни, развитого исторического и национального сознания [7, с. 49].

Задачи русского общества, по Чаадаеву: познание христианства (надо научиться «узнавать действие христианства повсюду» [7, с. 46]), выход на *путь «нравственного совершенства и бесконечного развития», знакомство с «миром идей», сформулированных европейскими мыслителями* [7, с. 41]: «научимся жить разумно в эмпирической действительности» [7, с. 36], необходимо «повторить у себя все воспитание человеческого рода», узнать, что собой представляет это воспитание, понять «место, которое мы занимаем в общем строе», надо содействовать «прогрессу человеческого разума», «нам следует прежде всего оживить свою веру всеми возможными способами и дать себе истинно христианский импульс, так как на Западе все создано христианством. Вот, что я подразумевал, говоря, что мы должны от начала повторить на себе все воспитание человеческого рода» [7, с. 38, 41, 45].

По П. Я. Чаадаеву, *христианство – и система нравственных ценностей, усвоенных человечеством, и божественная сила, действующая в духовном мире:* «...христианская религия является не только нравственной системою, заключенной в преходящие формы человеческого ума, но вечной божественной силой, действующей универсально в духовном мире и чье явственное обнаружение должно служить нам постоянным уроком. Именно таков подлинный смысл догмата о вере в единую церковь...» [7, с. 43].

Таким образом, Чаадаев создал свою *модель социального и духовного развития человека и общества, определив высокий идеал духовной жизни, к которому должны стремиться христианские народы и каждый человек путем познания Бога, христианства, всемирной идеи единства и любви.* С его точки зрения, человек должен обладать развитым интеллектом, твердым духом, покорной, кроткой христианской душой. Определение Чаадаевым модели социальных и нравственных отношений, смысла духовной жизни сориентировало русскую мысль на поиск общественного идеала.

В *социальном* аспекте модель общественного развития, предложенная Чаадаевым, имела элементы

мифа, поскольку черты желаемого образа, созданного чисто логическим путем, «басманный» философ воспринимал как реально достижимые в будущем. В концепции Чаадаева социально-этические мифологемы, созданные на основе религиозных идей, имеют понятия о «Царстве Божии на земле», о единой семье европейских народов, о покорности русского народа как одного из условий прогресса, о возможности объединения всех людей на основе универсальных идей. По мысли Чаадаева, движение общества шло от многообразия к единообразию, и этот путь он видел в воспитании всех людей на основе общей системы ценностей и идей. Это представление противоречило мировой тенденции расширения многообразия культуры.

П. Я. Чаадаев обогатил русскую мысль цивилизационной проблематикой, восприняв ряд идей европейских интеллектуалов о Востоке и Западе и разработав свою концепцию взаимодействия народов. Его новаторство в этой области заключалось в осмыслении места России в системе мировых цивилизаций, выявлении их специфики, последствий их влияний (или отсутствия таковых) на жизнь русского общества. Русские мыслители, благодаря Чаадаеву, обратили внимание и на проблему идейно-аксиологических основ и целей взаимодействия России с Западом и Востоком, роли самого российского общества в цивилизационном движении – формировании культуры на основе гуманистических идей.

П. Я. Чаадаев способствовал утверждению принципа историзма в исследованиях о судьбе России. Выделяя в историческом развитии прошлое и настоящее, он обосновывал взаимосвязь процессов движения общества, обусловленность реалий историческими явлениями в прошедшем, возможность прогнозирования будущего на основе прагматической оценки достигнутого.

Значимо понимание Чаадаевым патриотизма и отрицание им национализма как концепции превосходства одного народа над другим. Он развивал мысль о патриотизме как любви к родине, но со свободным осознанием целей, идейно-нравственных основ движения общества, пониманием задач развития, причин неудач в достижении социально-политических и нравственных ориентиров, с любовью к истине. Он отрицал взгляд на патриотизм как слепое восхваление всего национального, даже политических и социальных институтов и традиций, препятствующих реализации гуманистических идей. В области идей о взаимоотношении народов Чаадаев неизменно доказывал значимость культурных контактов и губительность изоляции и самоизоляции.

Аксиологическую основу его концепции составляли представления о любви и единении самостоятельно мыслящих свободных личностей.

Важны идеи Чаадаева о факторах развития российского общества. Необходимо помнить, что он недооценивал ряд факторов движения, прежде всего экономический. Но его идеи о геополитическом поло-

жении страны, необходимости определить свои отношения с Западом и Востоком, значимы для осмысления судьбы народа. Проблема пути развития русского народа могла быть осмыслена только в контексте взаимоотношений цивилизаций и идейно-ценностных основ движения. В России, где с XVIII в. в менталитете народа утверждались идеи этатизма, заявления Чаадаева о необходимости свободного духовного развития общества и его праве на самостоятельное осмысление своей судьбы были концептуально новыми. Фактически это были идеи об обществе как самостоятельном субъекте исторического процесса.

Определенный Чаадаевым философский ракурс осмысления жизни общества был положительно оценен русскими интеллектуалами, с этого времени обосновывавшими решение социально-политических и этических проблем в философском контексте.

Библиографический список

1. Рашковский, Е. Б., Хорос, В. Г. Проблема «Запад-Россия-Восток» в философском наследии Чаадаева [Текст] / Е. Б. Рашковский, В. Г. Хорос // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. – М.: Прогресс-Традиция, 1988. – С. 110–142.
2. Уткин, А. И. Россия и Запад: история цивилизаций [Текст] / А. И. Уткин. – М.: САМПО, 2000. – 521 с.
3. Чаадаев, П. Я. Философические письма [Текст] / П. Я. Чаадаев // Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма; перевод с фр. Д. И. Шаховского, Л. З. Каменской, М. П. Лепехина, В. В. Сапова. – М.: Наука, 1991. – Т. 1. – С. 320–440.
4. Чаадаев, П. Я. Апология сумасшедшего [Текст] / П. Я. Чаадаев // Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма; перевод с фр. Д. И. Шаховского, Л. З. Каменской, М. П. Лепехина, В. В. Сапова. – М.: Наука, 1991. – Т. 1. – С. 523–538.
5. Чаадаев, П. Я. Отрывки и разные мысли [Текст] / П. Я. Чаадаев // Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма; перевод с фр. Д. И. Шаховского, Л. З. Каменской, М. П. Лепехина, В. В. Сапова. – М.: Наука, 1991. – Т. 1. – С. 441–511.
6. Чаадаев, П. Я. Письма [Текст] / П. Я. Чаадаев // Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма; перевод с фр. Д. И. Шаховского, Л. З. Каменской, М. П. Лепехина, В. В. Сапова. – М.: Наука, 1991. – Т. 2. – С. 6–412.
7. Чаадаев, П. Я. Статьи и письма [Текст] / П. Я. Чаадаев. – М.: Современник, 1987. – 367 с.

Bibliografičeskij spisok

1. Rashkovskij, E. B., Horos, V. G. Problema «Zapad-Rossija-Vostok» v filozofskom nasledii Chaadaeva [Tekst] / E. B. Rashkovskij, V. G. Horos // Vostok – Zapad. Issledovanija. Perevody. Publikacii. – M.: Progress-Tradicija, 1988. – S. 110–142.
2. Utkin, A. I. Rossija i Zapad: istorija civilizacij [Tekst] / A. I. Utkin. – M.: SAMPO, 2000. – 521 s.
3. Chaadaev, P. Ja. Filosoficheskie pis'ma [Tekst] / P. Ja. Chaadaev // Chaadaev P. Ja. Polnoe sobranie sochinenij i izbrannye pis'ma; perevod s fr. D. I. Shahovskogo, L. Z. Kamenskoj, M. P. Lepehina, V. V. Sapova. – M.: Nauka, 1991. – T. 1. – S. 320–440.
4. Chaadaev, P. Ja. Apologija sumasshedshego [Tekst] / P. Ja. Chaadaev // Chaadaev P. Ja. Polnoe sobranie sochinenij i izbrannye pis'ma; perevod s fr. D. I. Shahovskogo, L. Z. Kamenskoj, M. P. Lepehina, V. V. Sapova. – M.: Nauka, 1991. – T. 1. – S. 523–538.
5. Chaadaev, P. Ja. Otryvki i raznye mysli [Tekst] / P. Ja. Chaadaev // Chaadaev P. Ja. Polnoe sobranie sochinenij i izbrannye pis'ma; perevod s fr. D. I. Shahovskogo, L. Z. Kamenskoj, M. P. Lepehina, V. V. Sapova. – M.: Nauka, 1991. – T. 1. – S. 441–511.
6. Chaadaev, P. Ja. Pis'ma [Tekst] / P. Ja. Chaadaev // Chaadaev P. Ja. Polnoe sobranie sochinenij i izbrannye pis'ma; perevod s fr. D. I. Shahovskogo, L. Z. Kamenskoj, M. P. Lepehina, V. V. Sapova. – M.: Nauka, 1991. – T. 2. – S. 6–412.
7. Chaadaev, P. Ja. Stat'i i pis'ma [Tekst] / P. Ja. Chaadaev. – M.: Sovremennik, 1987. – 367 s.